

Кирчанов Максим Валерьевич

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ИНДОНЕЗИЙСКОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ПЕРИОД ЯПОНСКОЙ ОККУПАЦИИ ИНДОНЕЗИИ

Автор анализирует проблемы индонезийского национализма периода японской оккупации. Предполагается, что индонезийские националисты были одновременно коллаборантами в европейском понимании и освободительными националистами в местном восприятии. Автор считает, что японская оккупационная политика не была постоянной и последовательной. Показано, что националисты выбрали сотрудничество с японцами потому, что верили в возможность получения независимости с внешней помощью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-2/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 2. С. 74-78. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

13. **Sejarah Penjajahan Jepang di Indonesia** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portalsejarah.com/sejarah-penjajahan-jepang-di-indonesia.html> (дата обращения: 24.12.2015).
14. **Wardojo W.** Pandangan Alternatif dalam Historiografi Masa Jepang [Электронный ресурс]. URL: <http://waskito.widi.staff.uns.ac.id/files/2011/11/historiografi-masa-pendudukan-Jepang.pdf> (дата обращения: 17.12.2015).
15. **Yuliati D.** Sistem propaganda Jepang di Jawa 1942-1945 [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/files/379/11718822.pdf> (дата обращения: 19.12.2015).

PROBLEMS OF INDONESIAN COLLABORATION DURING JAPANESE OCCUPATION OF INDONESIA

Kirchanov Maksim Valer'evich, Doctor in History
Voronezh State University
maksymkirchanoff@gmail.com

The author analyzes the problems of the Indonesian nationalism of the Japanese occupation period. According to the researcher, Indonesian nationalists were simultaneously collaborators in European interpretation and liberation nationalists in local perception. The paper assumes that Japanese occupation policy was not permanent and consistent and argues that nationalists chose collaboration with the Japanese because they believed in the possibility to acquire independence with outside assistance.

Key words and phrases: Indonesia; Japanese occupation; Indonesian nationalism; resistance; collaboration.

УДК 64.4

Исторические науки и археология

Автор анализирует различные версии восприятия японской оккупации Индонезии в историографиях СССР, Голландии, Индонезии и США. Предполагается, что советские историки в целом осуждали сотрудничество с японскими оккупациями, но признавали, что оно было вынужденным и стратегическим. Автор показывает, что в американской историографии коллаборационизм анализируется в контексте истории национализма и генезиса будущих политических элит. В статье показано, что в европейских историографиях сотрудничество с Японией воспринимается отрицательно потому, что истории Франции и Нидерландов проецируют комплексы проигравших на факты сотрудничества индонезийцев с японцами. Автор показывает, что в индонезийской историографии коллаборационизм воспринят как форма борьбы за независимость.

Ключевые слова и фразы: Индонезия; японская оккупация; историография; коллаборационизм; историческая память.

Кирчанов Максим Валерьевич, д.и.н.
Воронежский государственный университет
maksymkirchanoff@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ИНДОНЕЗИЙСКОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ПЕРИОД ЯПОНСКОЙ ОККУПАЦИИ ИНДОНЕЗИИ

Период японской оккупации Индонезии не мог остаться без внимания историков, став чрезвычайно плодородной почвой для мифологизации истории [12, р. III-V], создав условия для политических и идеологических манипуляций. В центре авторского внимания в данной статье будут проблемы политического сотрудничества индонезийских националистов с японскими оккупационными властями в контексте коллаборационизма и развития индонезийского национализма. События периода японской оккупации Индонезии и позиция индонезийских националистов в различных исторических и политических памятниках получили диаметрально противоположные оценки.

Советская историография предпочитала описывать период японской оккупации Индонезии в идеологически выверенной системе теоретических и методологических координат. Например, в 1972 году Э. Х. Кямилев указывал на то, что «японские оккупанты», которые в 1942 году сменили голландцев, принесли «индонезийскому народу новые тяжелые испытания». В целом советская историография оценивала японскую оккупацию крайне негативно, полагая, что та была ознаменована «настоящим грабежом природных ресурсов страны, от которого страдали трудящиеся массы». Оккупация советскими историками воспринималась в соответствии с искусственно перенесенными идеологическими клише, описываясь как «непрекращающиеся репрессии и полицейский террор». Советские историки писали о «невыносимых условиях жизни рабочих» [4, с. 3-6] в период оккупации, игнорируя факты сотрудничества индонезийских националистов, в том числе и Сукарно, с японскими оккупационными властями.

В советской историографии было создано только одно обобщающее исследование, посвященное проблемам истории Индонезии периода японской оккупации. Книга Л. М. Демина была опубликована в 1963 году [1] и неизбежно несла в себе все родовые травмы советской историографии. Усилия советских историков были направлены на демонизацию японской оккупации, что не создавало условия для объективного изучения проблем сотрудничества индонезийских националистов с японскими оккупационными властями. Проблемы

истории оккупации в советской историографии были в значительной степени мифологизированы, а советский идеологически выверенный историографический миф сводился к нескольким моментам, а именно: японские оккупанты, принеся политику «безудержного грабежа» и «большие бедствия индонезийскому народу», «стремились максимально использовать сырьевые ресурсы» Индонезии, а японская оккупация «принесла индонезийскому народу новые тяжелые испытания» [Там же, с. 3-6].

Усилиями советских историков японская оккупация Индонезии, с одной стороны, в значительной степени мифологизировалась и демонизировалась: в вину японцам ставили не только «проведение насильственной японизации», «многочисленные аресты и убийства стали обычным явлением. Многие прогрессивные деятели, которых не успели арестовать голландцы, были арестованы японцами» [Там же, с. 7], но и то, что они «всячески оскорбляли национальные и религиозные чувства индонезийского народа» [Там же, с. 8]. Советская историография в отношении японской оккупации, с другой стороны, была чрезвычайно непоследовательной. При анализе проблем истории Индонезии периода японской оккупации автоматическое распространение и трансплантация оценок, которые ранее применялись для анализа истории германской оккупации в Западной Европе или на территории СССР, оказались невозможными и малопродуктивными, хотя советские историки предлагали преимущественно идеологически выверенный набор нарративов в отношении истории Индонезии 1942-1945 годов.

Если при описании истории Второй мировой войны в Европе или Великой Отечественной войны нейтральные и тем более позитивные оценки периода оккупации были невозможны, то в отношении истории Индонезии советские историки могли себе позволить некоторые вольности идеологического плана, которые проявились в описании фактов коллаборационизма будущих лидеров Индонезии – Сукарно и Хатта. Если Хатта и признавался правым политиком, что советскими историками ставилось ему в вину, то интерпретация роли Сукарно отличалась большей сложностью. Факты его сотрудничества с оккупационной администрацией и даже встреча с японским императором признавались, но в советской версии исторического воображения фигура Сукарно в значительной степени была независимой от тех событий, которые проходили в политической жизни Индонезии периода японской оккупации, то есть советские историки вообще предпочитали не упоминать Сукарно в контексте событий оккупационного периода даже тогда, когда он играл центральную роль в сотрудничестве с японцами.

Тем не менее советскими историками признавалось то, что японская оккупация привела к большему распространению индонезийцев на государственной службе, усилению роли индонезийского языка и появлению офицеров-индонезийцев во вспомогательных войсках. Сотрудничество индонезийских националистов с японцами признавалось, но в условиях политической и идеологической ситуации и конъюнктуры, необходимости развития советско-индонезийского сотрудничества, при понимании того, что коллаборационисты 1942-1945 годов в первой половине 1960-х годов составляли основу индонезийского политического класса, не критиковалось и не воспринималось как предательство.

Если другие прояпонские и тем более прогерманские коллаборационисты в советской историографии подвергались демонизации и фигурировали в качестве предателей, то индонезийские коллаборационисты, которые с оккупационными властями сотрудничали столь же активно, как и их «коллеги» на территории Западной Европы, имели больше формальной независимости и возможностей для маневра. Они не были подвергнуты подобной историографической маргинализации, превратившись в прогрессивных политиков, борцов против колониализма и империализма, претендуя на статус политических и идеологических союзников Советского Союза. Подобные тактики и стратегии описания/написания истории периода японской оккупации указывают на то, что советское историческое воображение не только тонко воспринимало и следовало идеологической конъюнктуре, но и позволяло оценки и интерпретации географически отдаленного коллаборационизма, которые были немыслимы в контексте истории СССР и маловероятны в европейской исторической перспективе.

Поэтому в советской историографии признавалось некоторое позитивное влияние японской оккупации, особенно в сфере развития индонезийского языка, но подобные нарративы в силу политических и идеологических условий особого развития не получили. В 1969 году Ю. В. Маретин полагал, что японская оккупация привела не только к ослаблению европейских языков в Индонезии, содействуя усилению индонезийского языка, так как именно он был объявлен в качестве официального. Кроме этого, позитивное воздействие на язык, точнее на его более широкое распространение, оказало и то, что японцы «на многие официальные должности в различных областях государственной и общественной жизни были вынуждены назначить индонезийцев» [5, с. 178-179]. Это, как полагали советские историки, привело к тому, что «индонезийский завоевал те позиции, где раньше безраздельно господствовал голландский, в первую очередь сферу общественно-политической жизни» [Там же, с. 180]. Советскими историками не осуждалось и то, что японцы проводили принудительную мобилизацию и перемещение населения, что содействовало его «более широкому знакомству с индонезийским языком» [Там же, с. 180-181] выходцев из периферийных островных регионов. В советской историографии при описании истории Индонезии периода японской оккупации, таким образом, доминировали нарративы, которые сводились к формальному ее осуждению, но при этом признавалось и то, что оккупация оказала определенное позитивное влияние на развитие национального самосознания индонезийцев, в частности, на укрепление позиций индонезийского языка.

В рамках поздней советской историографии признавалось, что японская оккупация Индонезии положила конец голландскому господству, а простые жители Индонезии были склонны видеть в японцах «освободителей, обративших в бегство ненавистных европейских угнетателей» [2, с. 197]. В начале 1980-х годов советские историки в определенной степени пересмотрели более ранние ортодоксальные интерпретации, признав, что «японские власти не только сохранили за индонезийцами посты, но и передали им некоторые

должности, ранее занимаемые голландскими чиновниками» [Там же, с. 200]. Тем не менее советские историки настаивали на том, что японские власти оскорбляли «национальные и религиозные чувства индонезийцев» [Там же, с. 198-200]. Советские историки признавали и факт сотрудничества Сукарно с японцами ради достижения единства в индонезийском национальном движении. В этом отношении позиция советской историографии начала 1980-х годов в отношении сотрудничества индонезийских националистов с японскими оккупационными властями отличалась определенной двойственностью: признавая факты коллаборационизма, советские авторы все же полагали, что не сотрудничество, а сопротивление стало магистральной линией в индонезийской истории периода Второй мировой войны.

Другие точки зрения на этот период в истории Индонезии высказывались в зарубежной историографии. Европейские (преимущественно голландские авторы) оценивают японскую оккупацию Индонезии крайне негативно, что стало следствием политических и идеологических причин. Отрицательное отношение к сотрудничеству индонезийских националистов с японцами стало следствием инерционного развития нидерландской историографии [10, р. 8-9; 22, р. 5-6], представители которой не очень склонны признавать факты коллаборации с германскими властями в оккупированных Нидерландах [11, р. 23-24], но при этом автоматически переносят негативные и морализаторские суждения с европейских коллаборационистов на индонезийских националистов, воспринимая последних как предателей и местных «квислингов», что можно воспринимать различно, хотя в подобном морализаторстве кроме идеализма содержится немало элементов европоцентристского и колонизаторского дискурса. Подобное отношение характерно для французской историографии, некоторые представители которой (например, Жозель Котек и Пьер Ригуло [3, с. 524-526]) предпочитают описывать японские зверства в отношении голландцев, не забывая упоминать и то, что с японцами сотрудничали индонезийцы, выполняя функции надзирателей в тех лагерях, в которые были направлены голландские колониальные чиновники, игнорируя объективные противоречия между голландцами и индонезийцами, возникшие в колониальную эпоху, что проявлялось в ущемлении прав и преследовании индонезийцев. Доминирование подобных нарративов в голландской и французской историографической традиции свидетельствует о сознательной фрагментации исторической памяти, апологетике колониализма и стремлении переложить ответственность на представителей индонезийского национального и освободительного движения, представив их исключительно в качестве изменников и коллаборационистов.

В англоязычной историографии проблемы сотрудничества и взаимодействия индонезийских националистов с японскими оккупационными властями получают несколько иную интерпретацию. Американские историки, которые занимались изучением новейшей истории Индонезии периода оккупации, указывают на то, что появление японцев не только объективно привело к ослаблению голландского фактора, но и актуализации качественно новых тенденций в политической жизни Индонезии. Японская оккупация стала не только важным событием в новейшей истории Индонезии, но эпизоды, связанные с сотрудничеством с японцами, присутствуют в политических биографиях индонезийских политиков (от Сукарно до Сухарто [14, р. 32-34]), которые были лидерами страны до 1998 года. Дж. Д. Легге в 1988 году [18, р. 41-42] указывал на то, что представители различных течений в индонезийском национализме во время Второй мировой войны в зависимости от ситуации и их политических и идеологических предпочтений могли как сотрудничать, так и отказаться от подобной политически мотивированной коллаборации с японцами, но сама японская оккупация в целом для индонезийского национализма и Индонезии имела позитивное значение, так как временно избавила Индонезию от голландской администрации (впрочем, и после войны индонезийские националисты приложили все усилия для недопущения ее возвращения) и политизировала широкие слои населения, в том числе и молодежи, которая после завершения Второй мировой войны боролась уже против Нидерландов.

В индонезийской историографии [7; 17; 19; 20; 21], сфокусированной на периоде оккупации под влиянием западных исследователей индонезийского национализма [6; 15; 16; 25], интерпретации истории оккупации переплетены с доминированием национальной парадигмы в конструировании образов истории. Японская оккупация в рамках индонезийского исторического воображения и связанного с ним политического мифа интерпретируется в категориях политической истории и борьбы за независимость. Кроме этого, в индонезийской историографии предпринимаются попытки [23, р. 11-16] представить историю Индонезии периода японской оккупации в междисциплинарном контексте, в частности на стыке культурной, литературной и интеллектуальной истории. Большинство подобных исследований индонезийских авторов [13, р. 180-181; 23, р. 11-12; 24, р. 240-242] сфокусировано на анализе текстов, хронологически и политически связанных с периодом японской оккупации. Поэтому японская оккупация рассматривается как составная часть культурной и литературной истории Индонезии, которая была отмечена уникальными тенденциями в развитии, например, индонезийского театра. В подобных штудиях в одинаковой степени актуализируется потенциал как политической, так и культурной истории: индонезийскими историками пьесы периода оккупации анализируются как коллективное место исторической памяти, отмеченное попытками унификации идентичности и попытками ее политизации в прояпонском направлении. Национальный нарратив в индонезийской историографии переплетается с другими измерениями истории, например с гендерной (это, например, относится к небольшому числу работ, посвященных принудительной проституции [9, р. 3-7]) или религиозной историей [8, р. 319-321]. Примечательно и то, что в индонезийской исторической литературе факт оккупации не демонизируется, так как на момент оккупации со стороны Японии Индонезия не обладала суверенитетом.

В подобной ситуации сложились благоприятные условия для исторической идеализации и мифологизации событий периода оккупации. В качестве фактора, который также содействует мифологизации периода оккупации, следует признать и то, что два индонезийских президента, несмотря на все дебаты относительно

их политического наследия, в той или иной мере сотрудничали с японцами. Важную роль в восприятии оккупации в Индонезии играет и то, что она является постколониальной страной, которая в прошлом стала жертвой западной европейской колонизации. В подобной ситуации поражение Нидерландов от Германии во Второй мировой войне в Европе и от Японии в Юго-Восточной Азии у индонезийских историков чувства сожаления не вызывает. Негативные и сугубо отрицательные оценки японской оккупации в индонезийской историографии практически невозможны, будучи замененными позитивными попытками описания событий, связанных с оккупацией. История оккупации не пересматривается, так как это может привести к ревизии центральной роли националистического движения в создании Индонезии и обретении независимости.

Память о фактах коллаборации в Индонезии после завершения Второй мировой войны в значительной степени оказалась не только политической и идеологически выверенной, но и фрагментированной. После Второй мировой войны о событиях периода японской оккупации одновременно сосуществовали и функционировали как внутренние, так и внешние версии памяти. Внутренними можно признать индонезийскую и голландскую версии, а внешними – те, которые были предложены в советской и американской историографиях. Индонезийские историки, рассматривая события периода японской оккупации, склонны интегрировать события этого времени в историю индонезийского национализма, а сотрудничество с японцами воспринимать как тактический шаг в борьбе, направленной на получение политической независимости.

Иные интерпретации в индонезийской историографии и исторической памяти маловероятны, так как две ведущие фигуры в истории индонезийского национализма – Сукарно и Хатта – были замечены в сотрудничестве с японскими оккупационными властями. С японцами сотрудничал и будущий второй президент Индонезии Сухарто. Несколько иначе оценивались эти события в голландской исторической памяти и историографии, которые чрезвычайно болезненно восприняли потерю Индонезии. Поэтому индонезийские националисты Сукарно и Хатта, которые в индонезийской исторической памяти обрели статус отцов-основателей независимого государства, в голландской историографии претендовали на статус местных квислингов, пребывая в исключительно негативном контексте.

В этом отношении память о Второй мировой войне содействует отдалению голландской и индонезийской идентичностей, особенно если принять во внимание и то, что сами Нидерланды пали жертвой немецкой оккупации. В голландской исторической памяти местные коллаборационисты, которые сотрудничали с немцами, воспринимаются исключительно как предатели. Подобные нарративы голландскими авторами распространялись на Индонезию, но за индонезийскими коллаборантами стояло мощное национальное и освободительное движение. Поэтому предатели и «квислинги» для Нидерландов оказались национальными героями для последующих поколений индонезийских политиков и историков.

Советская и американская версии истории японской оккупации Индонезии являются не только внешними, но и написанными в разных системах идеологических координат. Советские историки пытались не замечать сотрудничества индонезийских националистов с японцами, особенно в контексте того, что формально прогрессивный политик Сукарно сотрудничал в период войны с японскими властями. Советские авторы и их современные российские наследники в целом продолжают оценивать японскую оккупацию негативно, предпочитая писать о тяготах, которые переживали индонезийцы, не акцентируя внимания на политически неудобных для российской исторической памяти фактах сотрудничества с Японией, которая формально во Второй мировой войне была союзницей Германии. Американская историография в этом отношении демонстрирует более узкую специализацию, будучи сосредоточенной на политическом сотрудничестве индонезийских националистов с японскими властями, признавая и воспринимая коллаборационизм как один из эпизодов в политических биографиях тех, кто после создания независимой Индонезии составил основу ее политических и военных элит.

Историческая и политическая память об Индонезии периода Второй мировой войны и японской оккупации оказалась в значительной степени фрагментированной и подчиненной разного рода идеологическим и методологическим предпочтениям в советской, российской и американской историографиях, логике политики и идеологии, стремлениям освободительного национализма в индонезийском и имперской ностальгии по утраченным колониям в голландском случае. Сосуществование столь различных версий исторической и политической памяти в отношении японской оккупации в Индонезии свидетельствует о фрагментации исторического и политического воображения, сосуществовании различных версий прошлого, что придает актуальность изучению проблем, связанных со стратегиями исторической памяти и работы с прошлым.

Список литературы

1. Демин Л. М. Японская оккупация Индонезии (1942-1945 гг.). М.: Издательство восточной литературы, 1963. 236 с.
2. Капица М. С., Малетин Н. П. Сукарно. Политическая биография. М.: Мысль, 1980. 332 с.
3. Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний / пер. с франц. Е. Мурашкинцевой, Н. Малыхиной, Ю. Розенберг. М.: Текст, 2003. 686 с.
4. Кямилев Э. Х. Завоевание Индонезией независимости. М.: Наука, 1972. 220 с.
5. Маретин Ю. В. Особенности бахаса индонесиа как государственного языка Республики Индонезия // Маретин Ю. В. Индонезия. Избранные работы / ред. В. Ю. Зуев, С. А. Маретина, Ч. М. Таксами. СПб.: Алетея, 2002. С. 169-206.
6. Anderson B. Revoloesi Pemoeda: Pendudukan Jepang dan Perlawanan di Jawa 1944-1946. Jakarta: Pustaka Sinar Harapan, 1988. 554 p.
7. Atmoko D., Haryono A., Purwanto H., Soewarno P. J., Rahmanto B. Politik Penguasa dan Siasat Pemoeda: Nasionalisme dan Pendudukan Jepang di Indonesia. Jakarta: Kanisius dan Lembaga Studi Realino, 1994. 161 p.
8. Benda H. J. Bulan Sabit dan Matahari Terbit: Islam Indonesia pada Masa Pendudukan Jepang. Jakarta: Dunia Pustaka Jaya dan Yayasan Ilmu-ilmu Sosial, 1985. 344 p.

9. **Budi Hartono A., Juliantoro D.** Derita Paksa Perempuan: Kisah Jugun Ianfu Pada Masa Pendudukan Jepang, 1942-1945. Jakarta: Pustaka Sinar Harapan, 1997. 230 p.
10. **Grevers H.** Van landverraders tot goede vaderlanders: de opsluiting van collaborateurs in Nederland en België 1944-1950. Amsterdam: Uitgeverij Balans, 2014. 399 p.
11. **Hirschfeld G.** Nazi Rule and Dutch Collaboration: the Netherlands under German Occupation, 1940-1945. N. Y. – Hamburg: Berg Publishers, 1988. 256 p.
12. **Japan, Indonesia and the War: Myths and Realities** / eds. P. Post and E. Touwen-Bouwsma. Leiden: KITLV Press, 1997. XV+214 p.
13. **Jassin H. B.** Kesusastran Indonesia di masa Jepang. Jakarta: Balai Pustaka, 1968. 212 p.
14. **Jenkins D.** Soeharto and the Japanese Occupation // Indonesia. 2009. Vol. 88. P. 1-103.
15. **Kurasawa A.** Kuasa Jepang di Jawa: Perubahan Sosial di Pedesaan Jawa 1942-1945. Jakarta: Komunitas Bambu, 2014. 620 p.
16. **Kurasawa A.** Mobilisasi dan Kontrol: Studi tentang Perubahan Sosial di Pedesaan Jawa, 1942-1945 / penterjemah Herman Sulisty. Jakarta: Gramedia Widiasarana Indonesia dan Yayasan Karti Sarana, 1993. 563 p.
17. **Latief A.** Pers di Indonesia: Di Zaman Pendudukan Jepang. Jakarta: Karya Anda, 1980. 132 p.
18. **Legge J. D.** Intellectuals and Nationalism in Indonesia. A Study of the Following Recruited by Sutan Sjahrir in Occupied Jakarta. Cornell: Cornell Modern Indonesia Project, 1988. 224 p.
19. **Notosusanto N.** Tentara PETA pada Jaman Pendudukan Jepang di Indonesia. Jakarta: Gramedia, 1979. 194 p.
20. **Okotorino N.** Ensiklopedi Pendudukan Jepang di Indonesia. Jakarta: Elex Media Komputindo, 2013. 152 p.
21. **Radikalisme Lokal: Oposisi dan Perlawanan terhadap Pendudukan Jepang di Jawa (1942-1945)** / ed. A. Lucas. Jakarta: Syarikat Indonesia, 2012. 519 p.
22. **Tames I.** Doorn in het vlees: foute Nederlanders in de jaren vijftig en zestig. Amsterdam: Uitgeverij Balans, 2013. 356 p.
23. **Yoesoef M.** Drama di masa pendudukan Jepang (1942-1945): sebuah catatan tentang manusia Indonesia di zaman perang // Makara. Sosial Humaniora. 2010. Vol. 14. № 1. P. 11-16.
24. **Yoesoef M.** Lakon-lakon masa Jepang (1942-1945): Sebuah refleksi sosial-budaya masa perang. Skripsi. Jakarta: Fakultas Sastra Universitas Indonesia, 1988. 254 p.
25. **Zed M., Kurasawa A.** Giyugun: Cikal-bakal Tentara Nasional di Sumatera. Jakarta: LP3ES, 2005. 243 p.

**ON HISTORIOGRAPHY OF INDONESIAN COLLABORATION
IN THE PERIOD OF JAPANESE OCCUPATION OF INDONESIA**

Kirchanov Maksim Valer'evich, Doctor in History
Voronezh State University
maksymkirchanoff@gmail.com

The author analyzes different perceptions of Japanese occupation of Indonesia in the USSR, Holland, Indonesia and the USA historiographies. According to the researcher, Soviet historians on the whole disapproved collaboration with Japanese occupants but acknowledged that it had been enforced and strategic. The author shows that in the American historiography collaboration is analyzed in the context of nationalism history and the genesis of future political elites. The paper argues that in European historiographies collaboration with Japan is perceived negatively because the histories of France and Netherlands project the loser's complex on the facts of the Indonesians' collaboration with the Japanese. The analysis indicates that in the Indonesian historiography collaboration is perceived as a form of struggle for independence.

Key words and phrases: Indonesia; Japanese occupation; historiography; collaboration; historical memory.

УДК 1(091)

Философские науки

Статья исследует проблему свободы человеческой личности в исторической концепции Б. Н. Чичерина. По Чичерину, существует фундаментальное противоречие между человеком как свободным творцом истории и исторической неизбежностью. История для Чичерина – развитие мирового Духа (с философской точки зрения) и воля Провидения (с религиозной точки зрения). Человек может действовать вопреки исторической неизбежности, но в конечном счете не нарушит ее, потому что законы духа, которые ограничивают человеческую свободу, являются его собственным внутренним определением. Согласно Чичерину, свобода сама по себе представляет явление духа и потому действует по присущим ему законам.

Ключевые слова и фразы: Б. Н. Чичерин; гегельянство; свобода; аналитические и синтетические периоды истории; триада; тетрада.

Кирякин Александр Викторович

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
kiryakinallek@bk.ru

**РАБ ИЛИ ТВОРЕЦ ИСТОРИИ?
ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА Б. Н. ЧИЧЕРИНА**

В XIX веке российская историческая наука обогатилась т.н. «государственной школой». Как писал Н. Г. Чернышевский, «разработка русской истории, благодаря трудам новой исторической школы (С. М. Соловьев,